

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Сергей ГОРЮНКОВ

«КОЩЕЕВО ЦАРСТВО» — ЗЛОВЕЩАЯ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

(О теневом содержании понятия «фашизм»)

Почему откровенные проявления украинского фашизма не просто игнорируются, но и прямо поощряются политическим руководством стран «цивилизованного» Запада?

Предваряя ответ на этот вопрос, напомним для начала, что хотя современный смысл слова «фашизм» неотделим от сопровождающей его негативной эмоции, но в начале XX века ситуация была совершенно иной. «В фашизме тогда видели течение политической мысли, исходившее, по словам И. А. Ильина, „из здорового национально-патриотического чувства, без которого ни один народ не может ни утвердить своего существования, ни создать свою культуру“. К тому же данная форма фашизма рассматривалась тогда как политическая реакция на спонсированный Фининтерном (финансовым интернационалом — „закрытыми структурами наднационального управления“, по определению А. И. Фурсова) коммунистический проект. И хотя такого же спонсиро-

Сергей Викторович Горюнков родился в 1945 году в Ленинграде. Окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им В. П. Мухомовой. Член Союза художников России, график, автор иллюстраций к нескольким книгам. Член Союза писателей России, автор книг исследований по герменевтике фольклорных и литературных текстов, по проблемам когнитивного управления и др. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, консультант Отделения социальных технологий и общественной безопасности. Научный руководитель Общественного регионального когнитологического центра, автор научных публикаций по вопросам, связанным с теорией и историей культуры, с исторической семантикой, с проблемами структуры и динамики ментально-языковых процессов.

вания не чуждались и сами носители этой реакции в лице некоторых своих лидеров, но, тем не менее, именно их идеология легла в ряде стран Западной Европы (в Италии, Испании, Португалии) в основу политических режимов, ограничивших свободу движения капиталов и ставших поэтому негодными Фининтерну (имеется в виду концепция „экономического национализма“). Не удивительно, что тот же Фининтерн способствовал возвращению в Германии уже совершенно новой, уродливо-расистской разновидности фашизма, с целью компрометации опасного понятия путем его превращения в „идеологическое пугало“, а также с целью обуздания силами Германии советского эксперимента, вышедшего к середине 1930-х годов из-под фининтерновского контроля» [7, с. 151].

На сознательную компрометацию первоначально положительного смысла понятия «фашизм» указывает и история главного фашистского символа — свастики. Как известно, этот знак, встречающийся на памятниках древних культур всей Евразии, был широко представлен и в русской народной орнаментике (в резьбе, вышивке и др.), и даже в церковном прикладном искусстве [4, с. 1–2]. А ко времени его научного изучения в конце XIX века он уже имел устойчивую репутацию одного из важнейших элементов традиционной культуры, пробуждающего в сознании память о ее доисторических пластах. Именно этим, кстати, объясняется мода на данный символ в семье последних Романовых, да и в других кругах тогдашнего общества. Отголоски такой моды видны в изображениях свастики на деньгах Временного правительства и даже — в качестве курьеза — на красноармейских нарукавных шевронах 1918–1919 годов, на образцах раннесоветского агитпропа и т. д. Лишь с момента «приватизации» этого символа предтечами германского фашизма в 1920-х годах он стал постепенно восприниматься массовым сознанием, не без помощи специальных разъяснений [12, с. 5], как неотъемлемый атрибут «идеологического пугала».

В число «специальных разъяснений», пусть не всегда и не всеми осознаваемых, входит и отождествление понятия «фашизм» с понятием «нацизм». Между тем националистические проявления фашизма в его текущей интерпретации — это не более чем вторичные варианты интернационального и чисто ментального явления, главная суть которого заключается в идее некоего изначального превосходства одной человеческой общности над другой. Сама же эта идея уходит корнями в древнейшие пласты коллективного сознания: в дуальную организацию первобытных племен, а еще точнее — в мировоззренческое различие между двумя половинами (фратриями) каждого племени [10, с. 117]. Дело в том, что из такого различия вытекало разное понимание статуса фратрий, что отражалось в их названиях: фратрия «неба» — фратрия «земли», «высшая» фратрия — «низшая» фратрия, фратрия «больших людей» — фратрия «маленьких людей», «старшая» фратрия — «младшая» фратрия, фратрия «благородных» людей — фратрия «обычных» людей, фратрия «одаренных» — фратрия «простоватых» и т. д. [там же, с. 67–284]. (Подробнее о смысловой организации древнейших форм культуры — в специальной работе [8, эл. ресурс].)

К специфике дуальной организации первобытных обществ восходит и бахтинская идея, согласно которой феномен культуры существует не иначе как в режиме диалога о высших ценностях [1, с. 354], то есть в режиме двух противоположных этических точек зрения на одни и те же вопросы, — чем и стимулируется историческая динамика культуры. А то, что связи между фратриями различных племен всегда были сильнее межфратриальных связей внутри отдельного племени [10, с. 73], говорит в пользу универсальности принципов работы диалогического аппарата в истории культуры. Неудивительно поэтому, что с отмиранием дуальной организации носителями ее противоположных позиций становились уже не внутриплеменные подразделения,

а сами эти племена и целые народы. Соответственно, признаки прежних фратриальных различий превращались в признаки различия племен и народов, а диаметрально противоположные ценностные установки становились индикаторами культурно-исторических типов и цивилизационных общностей, принимая при этом предельно широкие формы «диалога культур». Проще же говоря, различные варианты диалога просматриваются в межплеменных и межэтнических разногласиях, в конфликтах между земледельцами и кочевниками, в религиозных противоречиях, в борьбе между классами, а затем и между политико-экономическими моделями социальной организации — вплоть до межцивилизационного противостояния по ценностным критериям.

Все это означает, к слову сказать, что в истории культуры никогда не было и нет никаких «общечеловеческих ценностей», а есть лишь перманентный диалог двух противоположных, но не афишируемых в качестве таковых и принимаемых поэтому за «двойные стандарты» ценностных позиций.

Для нашей темы все вышесказанное важно тем, что именно ценностная специфика древних фратриальных различий явилась первоисточником (до сих пор по-настоящему не осознанным) всех позднейших, связанных с завышенной самооценкой претензий на разного рода коллективное превосходство, от «богоизбранности» до «расовой (национальной) исключительности» и прочих им подобных заявок на «групповую элитарность» [8, эл. ресурс]. Но при таком понимании исторических корней идеи изначального превосходства одних людей над другими *обычными фашистами* в текущем смысле этого слова оказываются и олигархи, презирующие обкрадываемый ими народ, и их идеологическая обслуга — либеральная интеллигенция. А «фининтерновская крыша» тех и других начинает высвечиваться как главная, иницирующая фашизацию массового сознания, структура, создающая нужное ей «низовое пушечное мясо» (германское, украинское или еще какое — не имеет значения) путем его материальной и концептуальной подпитки.

Настало, видимо, время признать факт существования *двух форм фашизма: той откровенной его формы, которая не считает нужным скрывать свою суть, и той неявной, которая закамфлирована под «либерально-демократическую»*. Хотя, разумеется, всеми без исключения такой факт едва ли будет признан. Обывательское сознание давно уже приучено усматривать единственно возможную форму фашизма лишь в его первой форме. А либерал-фашизм в лице его среднего управленческого звена прилагает огромные пропагандистские усилия, и не всегда безуспешные, чтобы внешне выглядеть непримиримым врагом первой. Что же касается «фининтерновской крыши» обеих форм, то ей пока что вполне удается с помощью проплаченных СМИ выдавать себя за «большую фантазию конспирологов».

* * *

Несколько слов о «фининтерновской крыше». Проблема существования мировой закулисной власти все больше и больше начинает осознаваться общественностью как самая главная проблема современной международной политики — как ее решающий фактор, обеспеченный огромным количеством разного рода международных советов, клубов, столов, институтов, комиссий, агентств, фондов, банков, телекомпаний, газет и журналов, силовых и разведывательных служб. Конечно, деланое иронизирование над «искателями заговоров» по инерции все еще сохраняется, но и оно уже воспринимается как естественная технологическая часть «обеспечения прикрытия». (Само смешное слово «заговор» призвано оглупить и скомпрометировать очень важную проблему, чтобы воспрепятствовать ее обсуждению и изучению на более высоком уровне.) Действительное же положение вещей давно является секретом лишь для не желаю-

щих ничего знать о нем. В XIX веке про управляющую всей международной политикой «невидимую руку» говорил основоположник экономической теории Адам Смит, и не только он. А что касается современности, то вот выдержки из книги Э. Бернейза «Пропаганда» — книги, которую этот авторитетный специалист по формированию общественного мнения написал по заказу Совета по международным отношениям и за которую получил от последнего пост руководителя телекомпании CBS.

«По мере того, как цивилизация становится все более сложной и когда необходимость невидимого правительства становится все более очевидной, изобретаются и развиваются технические средства, с помощью которых можно контролировать общественное мнение...»; «Сознательная и умная манипуляция организованными привычками и мнениями масс является важным элементом демократического общества (курсив мой. — С. Г.). Те, кто манипулирует этим невидимым механизмом общества, составляют невидимое правительство, которое является истинной правящей властью...»; «Нами управляют, наше сознание целенаправленно формируют, наши вкусы унифицированы, наши идеи навязываются нам людьми, о которых мы никогда не слышали. Как бы мы к этому не относились, фактом остается то, что почти в каждом акте нашей жизни, в сфере политики или бизнеса, нашего общественного поведения или нашего этического мышления над нами господствует относительно малое число лиц... которые понимают процессы массового сознания и социальные модели поведения масс. Именно они держат в руках поводья, которые управляют общественным сознанием и сдерживают старые социальные силы, а также изобретают новые способы установления контроля над миром» (цит. по книге Д. Колемана «Комитет 300» [11, с. 252—254]).

Можно, конечно, объявить содержание книги Э. Бернейза «вводящей в заблуждение дезинформацией». Но куда деться от заявления председателя правления Сбербанка России, бывшего министра экономического развития и торговли России и бывшего председателя совета Центра стратегических разработок Германа Грефа — заявления, прозвучавшего в 2012 году на Петербургском экономическом форуме? В этом своем заявлении Греф с детской откровенностью отождествил государственное управление с манипулированием массовым сознанием. А то, что дело обстоит именно таким образом, подтверждает содержание еще одной книги, автором которой является широко известный легальный представитель «малого числа руководящих миром лиц» Джордж Сорос.

Книга Д. Сороса называется «Открытое общество: реформируя глобальный капитализм» и представляет собой развернутое изложение того, каким видится мировой закулисной элите ближайшее будущее планеты. А претензию книги на объективность призваны оправдать многочисленные встречающиеся в ней ссылки на Р. Декарта и И. Ньютона, на философов эпохи Просвещения и И. Канта, на Г. Гегеля и К. Маркса, на З. Фрейда и В. Рассела, на К. Геделя и В. Гейзенберга, на А. Бергсона и К. Поппера, на Ф. Хайека и Л. Витгенштейна, на Т. Куна и П. Фейерабенда, на логический позитивизм, на проблемы соотношения мышления и реальности, морали и внеморальности, познаваемости и непознаваемости.

Уже на самых первых страницах книги прямо сказано, что миру и стабильности в «открытом (рыночном) обществе» угрожают главным образом идеи национального и идеологического суверенитетов. То есть: никто не имеет права жить так, как он хочет, как он привык или как он считает нужным. А чтобы сделать эту страшноватую перспективу привлекательной, Сорос включает в число главных угроз миру и стабильности, наряду с национальным и идеологическим суверенитетами, и рыночный фундаментализм с его «необузданным стремлением к удовлетворению личного интереса» [15, с. 16—23]. Но отсюда вовсе не следует, что взамен предлагаются некие

разумные и общепонятные «правила игры для всех»; наоборот, прямо говорится, что поскольку «мы, во-первых, лишены возможности принимать решения, основываясь на точном знании, и, во-вторых, наши действия неизбежно влекут за собой последствия, которых мы не ожидаем», то все это «ставит под сомнение постулаты, лежащие в основе экономической теории, а именно, постулат рационального поведения вообще и рациональных ожиданий — в частности» [там же, с. 23–25].

Далее выясняется, что речь идет о некоей новой теории: «В этой книге я... выдвигаю теорию истории. Я рассматриваю финансовые рынки как исторический процесс и использую их в качестве полигона для проверки моей теории...» [там же, с. 25]. Оказывается также, что новая теория имеет отношение к новейшим разработкам в области теории эволюции: «В последнее время возникла целая новая наука — эволюционная теория систем, изучающая взаимодействие между хищником и жертвой, или, в более общем виде, между участником и средой... Сравнительно недавно исследователи, взявшие на вооружение эволюционную теорию систем, приступили к изучению сложных физических процессов, течение которых не может быть описано с помощью инвариантных („неизменных“. — С. Г.) во времени законов... Такой подход лежит в основе теории хаоса, которая пролила свет на многие сложные явления...» [там же, с. 50–52].

Если учесть, что речь идет о понимании хаоса как своевольного человеческого поведения, то придется признать, что перед нами — «теория произвола». Причем такая теория, которая, с одной стороны, призвана обосновать необходимость и неизбежность произвола («Эволюционная теория систем мощно вторгается не только в физику и биологию, но также и в общественные науки» [там же, с. 53]), а с другой — убедить в принципиальной непознаваемости общественных отношений («Хотя физика преодолела уже детерминистический („причинный“. — С. Г.) подход, общественные науки в целом и экономическая наука в частности еще отчаянно цепляются за него» [там же]).

Самое же интересное в соросовской теории — ее связь с теорией эволюции. Эта связь — не натяжка: если идею эволюции принять за предпосылочную основу соответствующего хода мысли, то «теория произвола» предстанет как его закономерный итог. Действительно, ведь и сама дарвиновская теория эволюции, будучи по определению теорией естественного отбора, совершающегося в процессе борьбы видов за существование (борьбы всех против всех), — это, в сущности, не что иное, как теория своеволия видов на биологическом уровне. Но дарвиновская теория эволюции послужила, как известно, естественно-научной основой для изучения в соответствующем ключе и человеческого общества; неудивительно поэтому, что и у классиков диалектического материализма исторический процесс представлен в виде борьбы двух разрушительных своеволий: своеволия эксплуататоров и своеволия эксплуатируемых.

Имеются и другие исследования, раскрывающие подлинную — антисоциальную (то есть фашистскую в текущем смысле этого слова) — суть наднациональных и надгосударственных управленческих структур. Но, повторюсь, в современном массовом сознании, не имеющем иммунитета к манипулятивным технологиям, фашизм продолжает ассоциироваться по преимуществу с его поверхностными проявлениями, главным образом — с паразитированием на древних символах. Одновременно он привлекает к себе малообразованные умы путем эксплуатации национально-патриотической риторики и *буквалистской* интерпретации языческого наследия (хотя давно уже известно, что выражение «буква убивает, а дух животворит [2 Кор., 3: 6] применима не только к евангельским, но и вообще к любым серьезным текстам [8, эл. ресурс]). Доказательства же подлинной, наднациональной и надгосударственной сути фашизма, о которой сказано выше, из информационного поля целенаправленно изымаются и массовому сознанию поэтому неизвестны.

* * *

Между тем в неявной, скрытой своей форме подлинная суть фашизма давно уже заявила о себе как новейшая и в высшей степени зловещая социально-политическая формация современности: как власть Фининтерна над подконтрольными ему марионеточными главами «демократических» режимов. Правда, до сих пор не выработано адекватного этой формации терминологического обозначения. Но нужную подсказку дает здесь отечественная фольклорно-мифологическая традиция, в которой известно *«царство Кощея Бессмертного»*.

Напомню: Кощей Бессмертный — это символический персонификатор такого общественного устройства, суть которого идеальным образом воспроизводит суть современного *глобализма* — тенденции установления абсолютной, никому не подконтрольной власти над миром. Главная функция Кощея — похищение женщин, что на языке метафорической символики отсылает к основной глобализаторской задаче — к сокращению «лишнего» населения планеты [13, эл. ресурс]. А главная тайна Кощея — это тайна его смерти, несводимая к проблеме его личной ликвидации: она — в отсылке к пониманию мироустройства, несовместимого с самой возможностью существования глобализма.

В текстах о Кошее такое понимание мироустройства символически представлено иерархией из вложенных друг в друга сущностей, начиная с «острова Буяна» и кончая «иглой в яйце» (все эти образы восходят к сакральной мифологической космогонии). Но идея иерархического мироустройства все сильнее овладевает и современной исследовательской мыслью. Признание ограниченности эволюционно-исторического взгляда на мир давно уже стимулирует поиски выхода из тупиков классической науки. О духе и направленности таких поисков можно судить по эпистолярному наследию В. И. Вернадского: «Если есть что-нибудь абсолютное, вечное, оно тем самым исключает понятие процесса...»; «Может быть, мысль, основа личности, бессмертна...» [16, с. 78, 157]). А конкретно-методологические основы нового подхода к пониманию мироустройства были намечены еще в середине XX века австрийским ученым Людвигом фон Берталанфи, создателем общей теории систем (не путать с упомянутой выше эволюционной теорией систем Дж. Сороса).

Вот ключевые посылки общей теории систем: «Стало очевидным структурное подобие, изоморфизм... моделей, построенных для различных областей; при этом в центре внимания оказались проблемы порядка, организации, целостности и т. д., *которые демонстративно исключались из рассмотрения в механистической науке*» [2, с. 56–57; курсив мой. — С. Г.]. (Под «механистической наукой» здесь имеется в виду исторический материализм, построенный на вульгарно-механистической схеме развития «от простого к сложному, от низшего к высшему» [9, эл. ресурс]). Наиболее же фундаментальное для ОТС понятие — это *иерархический порядок*: «Сейчас мы видим Вселенную как огромную иерархию, от элементарных частиц до надындивидуальных организаций... Такая иерархия проявляется как в структурах, так и в функциях... В конечном счете динамика (эволюционно-историческая. — С. Г.) и иерархический порядок могут представлять собой одно и то же» [там же, с. 49–50].

Согласно данному направлению научной мысли, окружающий нас и включающий нас в себя мир является живой самовоспроизводящейся структурой (иерархией структурных уровней живой материи: см. работы Н. В. Тимофеева-Ресовского, А. А. Ляпунова, В. Н. Беклемишева и др.). А итоговый вывод сформулирован В. И. Вернадским: «Ясно, что жизнь неотделима от космоса, и ее изучение должно отразиться — может

быть, очень сильно — на его научном облике» [5, с. 276]). Но такой — пока еще крайне непривычный — образ мира влечет за собой необходимость пересмотра и другого главного вопроса человеческого бытия — вопроса о месте человека в мире. Вопрос, напоминая, звучит так: каково это место? Таково ли, что человек в мире — исчезающая малая подробность, которой допустимо пренебречь? Или же, напротив, мир целиком и полностью структурирован «человеческим фактором»: мыслями, словами и поступками каждого отдельного человека?

Вот как отвечает на этот вопрос создатель общей теории систем Людвиг фон Бертаманфи: «Если реальность представляет собой иерархию организованных целостностей, то и образ человека должен отличаться от его образа в мире физических частиц, в котором случайные события выступают в качестве последней и единственной „истины“. Мир символов, ценностей, социальных и культурных сущностей в этом случае представляется гораздо более „реальным“, а его встроенность в космический порядок окажется подходящим мостом между... наукой и гуманитарным мироощущением, технологией и историей, естественными и социальными науками или сторонами любой иной сформулированной по аналогичному принципу антитезы» [3, с. 36].

В этом предвосхищении выражена, по сути дела, надежда на нарождающееся очеловечивание научного мировоззрения, надежда на то, что ничто в мире не совершается зря и что все имеет свой конечный смысл и оправдание. Ведь если мир изначально существует в своих максимально сложных формах проявления, то и человеческая история должна раскрыться нам как нечто гораздо более интересное и важное, чем «самоусложняющийся прогресс» (согласно которому «сегодня уже лучше, чем было вчера, а завтра будет лучше, чем сегодня»). Если культура не сводима к итогам борьбы людей за выживание, то наши мысли, цели и идеалы могут оказаться в конечном счете чем-то намного большим, нежели функция высокоразвитой материи. Если место личности в мире соразмерно самому миру (о чем позволяет догадываться «антропный принцип» в физике), то придется кардинально пересмотреть наше сегодняшнее понимание рациональности. Если индивидуальное человеческое бытие — не изолированный отрезок времени между рождением и смертью, а особым образом организованный «квант» в не имеющей начала и конца структуре информационно-энергетических взаимодействий, то фатально обманется каждый, делающий свое «я» в этом мире наивысшей жизненной ценностью. И если сами рождение и смерть — суть двери, через которые неуничтожимая информация о нас самих переводится из одних своих потенциальных накопителей в другие, то не исключено, что быть в этой жизни совестливым — выгодно для самого же себя. То есть не исключено, что на абсолютно все совершаемое в этой жизни имеется счет и что поэтому столь обычное сегодня противопоставление друг другу веры и знания, правды и права, идеалов и интересов — всего лишь досадная, исторически преходящая издержка нашего нынешнего научного полужнания.

* * *

Как далеко заходит нынешнее научное полужнание, можно судить по укорененной в разговорной практике привычке называть «мифом» все, что считается несуществующим. Между тем новейший научный взгляд на мифы усматривает в них исходный материал для абсолютно всех проявлений современной культуры: фольклора и религии, философии и науки, литературы и искусства, юридического права и т. д. «Конкретная же картина того, каким образом из практики ритуальных измерений и числового „бриколажа“ возникали ранние варианты математической науки, из мифопоэти-

ческих териоморфно-вегетативных классификаций возникали зоология и ботаника, из учения о космических стихиях и составе тела — медицина, из размыкания последнего этапа в текстах об акте творения — история, а из спекуляций над схемами мифопоэтических операций и лингвистического „бриколажа“ — начала логики, языка науки (метаязыка) и лингвистики, — хорошо известна и многократно описана» [17, с. 35].

Необычным обещает оказаться и потенциальное — *метаязыковое* — содержание мифов, особенно с учетом проблемы «историчности историзма» [9, эл. ресурс]. Вот лишь несколько нестандартных высказываний на этот счет. У В. Н. Топорова читаем: «В высшей степени характерно, что современная наука приходит к исключительно высокой оценке операционной ценности и познавательной силы первобытного знания именно в самые последние годы» [17, с. 37]. Аналогично у Х.-Г. Гадамера: «Если откроешь историко-научное собрание де Врие „История исследования мифологии“, то получишь то же впечатление, как и от „Кризиса историзма“, — оно сказалось на новом оживлении интереса к мифологии. <...> Достоин особого внимания тот факт, как решительно признаются Вальтер Ф. Отто и Карл Кереньи первооткрывателями нового исследовательского направления, воспринимающего мифы всерьез» [6, с. 583]. О том же у В. В. Налимова: «Странно, но сейчас приходится задумываться над концепциями далекого прошлого» [14, с. 69]. И о том же, но в более отвлеченной, теоретизированной форме у М. Хайдеггера: «Онтологические предпосылки историографического познания принципиально превосходят идею строгости самых точных наук. Математика не строже историографии, а просто более узка в отношении круга релевантных для нее экзистенциальных оснований» [18, с. 153].

Если же учесть еще и то, что древнейшие формы смысловой организации культуры характеризуются крайней степенью своей смысловой невероятности (абсурдности, по К. Леви-Строссу), то далеко не случайно здесь приходит на ум главное следствие из понятия «информационной энтропии» К. Шеннона: *чем менее вероятно сообщение, тем больше информации оно в себе содержит*. А в свете этого следствия предложенную выше интерпретацию образа Кощея Бессмертного приходится считать наполненной вполне операциональным и даже прогностическим содержанием.

Литература

- [1] Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 1997.
- [2] Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: обзор проблем и результатов // Системные исследования. М.: Наука, 1969.
- [3] Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. М.: Наука, 1973.
- [4] Буслаев Ф. И. Предисловие // Узоры старинного шитья в России, собранные и изданные княжной С. Н. Шаховскою. М., 1885. Вып. I.
- [5] Вернадский В. И. Изучение явлений жизни и новая физика // Труды биогеохимической лаборатории. Т. XVI. М., 1980.
- [6] Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
- [7] Горюнков С. В. В рабстве у слов: к проблеме качества гуманитарных экспертиз // Нева, 2013, № 8.
- [8] Горюнков С. В. О проблемах изучения смысловой организации культуры // «Горизонты гуманитарного знания» — междисциплинарный научный электронный журнал Московского гуманитарного университета. <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/955>.

- [9] Горюнков С. В. Проблема «историчности историзма» (о кризисе общенаучной методологии и о путях выхода из него) // Научно-исследовательский центр «Методологический переформат». Scientific consortium: <https://sci.ast.social/resheniya.html>.
- [10] Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1974.
- [11] Колеман Д. Комитет 300. М.: Витязь, 2000.
- [12] Луначарский А. Предупреждение // Известия. 1922. 11 февраля. № 255 (1694).
- [13] Матвейчев О. План глобального демографического управления (эл. ресурс) // <https://matveychev-oleg.livejournal.com/4557349.html>.
- [14] Налимов В. В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978.
- [15] Сорос Дж. Открытое общество: реформируя глобальный капитализм. М., 2001.
- [16] Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: Наука, 1981.
- [17] Топоров В. Н. Первобытные представления о мире: общий взгляд // Очерки по истории естественнонаучных знаний в древности. М.: Наука, 1982.
- [18] Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006.